
ЕВГЕНИЙ АЛЕКСИН
ШАТУНЫ.
СЛОМ КОДА.
18+

Евгений Алексин
Шатуны. Слом кода

https://litres.ru/74814907
SelfPub; 2026

Аннотация

Почему бурые медведи перестали бояться человека и всё чаще выходят к городам и посёлкам? И куда бесследно пропадают люди, ушедшие в тайгу всего на пару часов по знакомой тропе?

Официально всё списывают на пожары, бескормицу и беспечность туристов. Но для уральского охотоведа Глеба Соколова поиск правды превращается в борьбу за выживание. Поздней осенью он сталкивается в парме с невозможным: вечные одиночки-медведи сбиваются в слаженные тактические стаи. Они не просто нападают — они методично уничтожают связь, технику и берут в глухую блокаду золотодобывающий прииск «Кедр».

Вместе с молодым экологом Варей Беляевой охотоведу предстоит пройти через ледяные хребты Урала, подземелья Саян и высокогорья Алтая, чтобы добраться до скрытого в недрах земли источника, который пробудил у хищников единый коллективный разум. И узнать страшную правду о том, зачем тайга на самом деле забирает людей.

Шатуны. Слом кода

УАЗ-«буханка» глухо завыл пониженной передачей, натужно переваливаясь через скользкое, ободранное стальным брюхом бревно. Старый кузов застонал всеми своими проржавевшими швами, листовой металл над головой прогнулся и выдал глухой, дребезжащий звук, а в салоне густо, удушливо пахнуло нагретым солидолом, пролитым из канистры бензином и дешёвым табаком «Ява». Этот сигаретный дух Глеб курил исключительно здесь, в лесу — в городе он казался слишком резким, но в парме въедался в сукно штормовки, мешаясь с запахом прелой хвои и сырости, создавая привычный, успокаивающий защитный кокон.

На обшарпанном пассажирском сиденье, обтянутом потёртым дерматином, в такт ухабам подпрыгивал тяжелый брезентовый чехол с карабином «Вепрь-308». Металлическая фурнитура ремня неритмично брякала о рычаг коробки передач, и этот звук был единственным спутником Глеба последние три часа пути по старым лесовозным просекам.

Глеб вырубил зажигание. Старый карбюраторный двигатель пару раз натужно чихнул, звякнул клапанами, выбросил в глушитель порцию сизого гари и наконец затих.

Сразу навалилась таёжная тишина — тяжёлая, сырая, давящая на уши после трёх часов непрерывного грохота и воя раздаточной коробки. Конец октября на Северном Урале — время глухое, суровое, безжалостное к чужакам. На камени-

стых хребтах уже неделю как завывали метели, намертво запечатав гольцы под полуметровым слоем плотного, ледяного наста. Сюда, вниз, в темные низины пармы, зима тоже спускалась стремительно, упрямо отвоевывая у осени последние дни: по ночам мороз давил под минус десять, намертво сковывая болотца звенящим, как стекло, льдом, а дневной липкий снег уже не таял, а ложился на почерневшую, пожухлую хвою плотной серой крупой.

Нормальный, здоровый медведь в такую пору уже неделю как должен был сидеть глубоко в берлоге, намертво завалив вход лапником и поджав под себя лапы. Тайга обязана была погрузиться в зимний сон. Но Глеб чувствовал — этот год ломал все известные ему правила.

Охотовед выбрался из тесной кабины машины, хрустнув затёкшей, задеревеневшей спиной. Ему было сорок шесть — возраст, когда тело уже начинает помнить каждую старую травму, каждый вывих и ночёвку на сырой земле. Двадцать лет из этих сорока шести он безвыездно проработал в этих глухих лесах. Он знал Урал как свои пять пальцев: помнил каждую заброшенную просеку, каждый охотничий путик и никогда не боялся тайги. Но последние две недели где-то внутри него, чуть ниже рёбер, ворочалось липкое, нехорошее, сосущее предчувствие. Лес вокруг словно затаился. Он не спал — он выжидал.

Парма молчала. Вокруг не было слышно ни птичьего писка, ни сухого треска ветки от прыжка белки. Воздух застыл,

став густым и холодным, как студень.

Глеб медленно обошел грязный капот машины и присел на корточки перед глубокой колеёй, залитой ледяной, подёрнутой тонкой кромкой льда водой. На самом краю промоины, в рыжей уральской глине, чётко отпечатался огромный след. Охотовед запустил руку в глубокий карман штормовки, вытащил потертый складной метр и бережно, стараясь не раздробить подмёрзшие края, приложил к отпечатку пазана.

— Двадцать два сантиметра, — негромко, в усы, пробормотал он, и его дыхание вырвалось плотным белым облаком пара. — Мозоль широкая. Старик. Триста пятьдесят кило чистой ярости.

Это был след медвежьего переднего пазана. В такое время нормальный бурый медведь уже должен присматривать берлогу где-нибудь под вывороченным корнем вековой ели, набивать брюхо сухой ветошью для создания прямой кишки — так называемой «пробки» — и готовиться к зимней спячке. Этот же не просто не спал. Он шёл целенаправленно, ровным, размеренным шагом. И шёл он прямиком к прииску «Кедр».

Глеб поднялся, расправил плечи, закинул карабин на плечо и пошагал по следу в глубь пармы, проваливаясь сапогами в раскисший мох. Метров через пятьдесят след круто вильнул в сторону старого малинника, густо заваленного тяжелым буреломом.

Здесь резко пахло падалью. Запах был сладковатым, тош-

нотворным, плотным — так пахнет крупный кусок мяса, который пролежал в сырости несколько дней.

Глеб остановился, плавным, отработанным до автоматизма движением снял карабин с предохранителя и дослал патрон в патронник. Металлический щелчок затвора прозвучал в пустом, вымершем лесу как выстрел. Теперь охотовед шёл медленнее, осторожно ставя ногу с пятки на носок, чтобы не хрустеть сухими пихтовыми сучьями под снегом. Медведь слышит человека за километр, а чует по ветру — за все три. Но сейчас ветра не было. Воздух замер.

Впереди, на небольшой поляне среди молодой поросли пихты, лежала туша лося. Крупный бык, сохатый, с мощными лопатами рогов. Его завалили дня два назад.

Глеб замер в десяти шагах, вскинув ствол оружия к плечу. Глаза профессионала моментально зафиксировали детали, от которых по затылку пробежал неестественный, липкий холод.

Лось не был объеден так, как это обычно делает медведь. Медведь по своей природе — эгоист и грязнуля. Он ломает жертве хребет, наваливает сверху кучу веток, земли и мха, ждёт, пока мясо протухнет, и жрёт в одиночку, никого не подпуская в радиусе километра. Если к его добыче подойдёт другой самец — будет жестокий бой насмерть, до порванных глоток.

Здесь всё было иначе. Туша была разорвана аккуратно, почти хирургически. Но главное — рыжая грязь вокруг лося

была густо истоптана десятками мощных лап разного размера.

Глеб подошёл ближе, не опуская карабин. Он присел у туши, разглядывая месиво из глины, подтаявшего снега и крови.

Тут было три разных следа. Три.

Один — огромный, тот самый, двадцать два сантиметра. Второй — поменьше, сантиметров восемнадцать, с характерным сколотым когтем на левой лапе. Третий — совсем свежий, принадлежащий молодой, сухой особи.

Три крупных бурых медведя стояли у одной туши. Они не дрались. Они не рвали друг друга за право первого куска. Судя по расположению отпечатков лап, они ели одновременно. Плечом к плечу. Как волчья стая на зимней охоте.

— Быть такого не может, — прошептал Глеб, и его голос прозвучал хрипло. — Вы же одиночки, твари. Вы друг друга ненавидеть должны…

В этот момент за его спиной, метрах в тридцати, тихо, почти интеллигентно хрустнула ветка. Так хрустит сухой сучок под тяжелым весом, который пытается этот хруст скрыть.

Глеб замер. Внутренний таёжный барометр, натренированный годами опасных охот, прямо сейчас орал дурным голосом: «Беги!»

Но бежать от хозяина тайги — это гарантированная смерть. Повернёшься спиной — сработает инстинкт преследователя, догонит в три прыжка, снесёт затылок одним уда-

ром тяжелой лапы.

Глеб медленно, миллиметр за миллиметром, начал разворачиваться, удерживая карабин на уровне груди. Осенний воздух казался застывшим студнем, сквозь который тяжело двигаться.

Через просвет между голыми, почерневшими стволами берёз на него смотрели.

Медведь стоял на четырёх лапах. Огромный, грязный, с налипшей на боках серой глиной. Его шерсть на загривке стояла жёстким дыбом. Но он не рычал. Он не делал привычных «пыхкающих» пугающих звуков, не вставал на дыбы, как делают звери, когда хотят напугать человека и прогнать со своей территории.

Он просто смотрел. Прямо в глаза Глебу. Тяжёлым, пугающе осмысленным, холодным взглядом.

Глеб поймал мушкой место чуть выше переносицы зверя. Палец лёг на холодный металл спускового крючка. Медведь не шевелился. Он словно чего-то ждал.

Справа, из-за густой ели, бесшумно, как тень, выдвинулся второй силуэт. Чуть меньше. Тот самый, со сколотым когтем. Он встал в пяти метрах от первого.

А слева, отрезая Глебу путь к УАЗику, из малинника показалась третья морда — молодая, поджарая, со шрамом через переносицу.

Они окружали его. Грамотно. Полукольцом. Загоняли в тупик к поваленному вывалу деревьев, полностью перекры-

вая углы обстрела. Так охотятся волки. Так охотятся люди. Но не бурые медведи.

Глеб почувствовал, как капля холодного пота медленно катится по виску, теряясь в бороде. Рука, державшая цевьё карабина, оставалась мёртвой, но внутри всё заледенело.

Крикнуть? Бесполезно. Стрелять? У него в магазине всего пять патронов. На троих таких монстров — это лотерея, где главный приз — его собственная шкура.

Медведи не нападали. Самый крупный из них сделал один медленный, размеренный шаг вперёд, низко опустил голову к земле и издал странный, вибрирующий звук — не рык, а глубокий, утробный гул, от которого, казалось, завибрировала сама земля под сапогами Глеба.

И два других зверя эхом повторили этот гул.

Они общались. Прямо сейчас они решали, что делать с человеком, который нарушил границы их новой территории.

Палец Глеба застыл на холодном металле спускового крючка «Вепря». Ствол слегка водило от бешеного стука сердца, но охотовед заставил себя выдохнуть, опуская мушку чуть ниже — в переносицу вожаку. Пять патронов в магазине против трёх медведей, действующих сообща, — это всё равно что пытаться отмахиваться зубочисткой от несущегося поезда.

Утробный гул, катившийся по поляне, внезапно оборвался. В наступившей тишине было слышно, как с пихтовой ветки сорвался и мягко шлёпнулся в грязь ком липкого снега.

Медведи не бросались. Они продолжали держать полукольцо, медленно, почти синхронно покачивая массивными головами. Крупный самец, чья шкура была покрыта намертво въевшейся рыжей глиной, сделал ещё полшага вперёд. В его маленьких, глубоко посаженных глазах не было слепой ярости шатуна. Там читалось нечто куда более жуткое — холодное, расчётливое любопытство. Он словно взвешивал Глеба, оценивал его карабин, его позу, его страх.

«Они не голодны, — пронеслось в голове у Глеба, и от этой мысли по спине пробежал неестественный холод. — Лось почти цел. Они не жрать меня пришли. Они меня... выжимают».

Зверь со сколотым когтем справа издал короткий, глухой выдох — «псых». Левый, самый молодой, тут же качнулся в сторону, сужая пространство для маневра. Полукольцо превращалось в капкан. Сзади Глеба поджимал поваленный бурелом — завал из вековых елей, через который не перелезть без помощи рук. Стоит повернуться спиной или споткнуться — сомнут.

Глеб понимал: стрелять сейчас — значит подписать себе смертный приговор. Даже если триста восьмой калибр прошьёт череп первому, двое других разорвут его до того, как он успеет передёрнуть затвор.

Надо было ломать их сценарий. Медведь, каким бы умным он ни стал, остаётся зверем, реагирующим на доминирование.

Глеб глубоко втянул в лёгкие пахнущий падалью и сыростью воздух, резко вскинул левую руку вверх, увеличивая свой силуэт, и заорал — дико, хрипло, со всей силой, на которую были способны сорок шесть лет таёжной жизни:

— А-а-а ну пошли! Пошли вон, твари! По-о-ошли!

Звук собственного голоса показался ему чужим и жалким в этой давящей глуши. Но это сработало.

Молодой медведь слева от неожиданности качнулся назад, прижав уши. Вожак замер, его ноздри яростно затрепетали, впитывая запах человеческого пота и пороховой гари от оружия. Секунда, вторая, третья... Время словно превратилось в застывший таёжный студень.

Глеб не стал ждать, пока они справятся с секундным замешательством. Не опуская карабина, удерживая мушку на голове вожака, он сделал первый шаг назад. Пятка нащупала скользкий корень, но устоял. Ещё шаг. Ещё.

Медведи не пошли следом. Они стояли на месте, как три изваяния из грязной шерсти и мышц, провожая его тяжёлыми взглядами. Только вожак низко, почти к самой земле, опустил морду, словно фиксируя направление, куда отступает человек.

Глеб пятился, пока спина не упёрлась в крыло УАЗика. Руки ходили ходуном. Рывком открыв водительскую дверь, он прыгнул в салон, захлопнул дверцу и намертво вдавил кнопку блокировки, хотя понимал, что для лапы весом в центнер это стекло — не толще яичной скорлупы.

Ключ в замок, поворот. Двигатель «буханки» натужно завыл, чихнул и, слава Богу, схватил, заполняя салон родным, спасительным грохотом. Глеб врубил заднюю передачу, рванул руль, и машина, буксуя в жидкой глине, тяжело сдала назад, прочь от проклятого малинника.

Уже разворачиваясь на старой просеке, Глеб бросил взгляд в боковое зеркало.

Они вышли из чащи. Все трое. Они стояли на краю дороги, плечом к плечу — огромный старик, медведь со сколотым когтем и молодой самец. Они не бежали за машиной, не рычали. Они просто провожали уезжающий УАЗик взглядами. Координация, выдержка, полное отсутствие страха перед ревущим мотором.

— Это не медведи, — выдохнул Глеб, вытирая рукавом штормовки заливающий глаза пот. — Это что-то другое...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.